

УДК 783 (476) (043.3) + 881.161.3.09

**«РИФМОТВОРНАЯ ПСАЛТИРЬ» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО
И ВАСИЛИЯ ТИТОВА КАК ИТОГ ТВОРЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ДВУХ ТАЛАНТЛИВЫХ МАСТЕРОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVII ВЕКА**

*канд. искусствоведения, доц. Л.Н. СИДОРОВИЧ
(Полоцкий государственный университет)*

В результате творческого взаимодействия двух талантливых мастеров второй половины XVII века поэта Симеона Полоцкого и композитора Василия Титова было создано уникальное в мировой художественной культуре музыкально-поэтическое произведение – «Рифмотворная псалтирь». В статье рассматривается многосторонняя и разнообразная деятельность Симеона Полоцкого и Василия Титова, ставшая своего рода фундаментом для создания «Рифмотворной псалтири». Автор данной статьи приводит новые материалы и сведения о жизни и деятельности двух наших выдающихся предков. Новые факты биографии Симеона Полоцкого и Василия Титова, о которых мы знаем незаслуженно мало, могут быть весьма интересными для наших современников.

Введение

«Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и Василия Титова – уникальное творение белорусско-русской культуры последней четверти XVII века. В нем нашли отражение характерные стилистические особенности кантов и псалм, сложившиеся в кантовой культуре белорусской и украинской традиции.

Автором стихотворного переложения «Рифмотворной псалтири» стал выдающийся белорусский и русский общественный деятель, поэт, просветитель-гуманист XVII века Симеон Полоцкий. По разносторонности своих интересов он был близок деятелям эпохи Возрождения. Значение деятельности Симеона Полоцкого для восточнославянской культуры XVII века очень точно определила Н.А. Герасимова-Персидская, которая утверждала, что «Симеон Полоцкий – фигура во многом ключевая в русском XVII веке. Его роль в формировании культуры нового типа, литературы барокко, в развитии виршеписания исключительна. Он как бы фокусирует наиболее характерные черты искусства слова в XVII веке – подобно Симону Ушакову в живописи, Николаю Дилецкому в музыке – однако слава и степень воздействия на современные ему явления несоизмеримо выше. Всех этих деятелей сближало не только вершинное положение в своей области искусства, но и родство художественных идеалов и принадлежность новому направлению в условиях сильной конфронтации с традиционалистами» [1, с. 115].

Основная часть

Творчество и деятельность Симеона Полоцкого были неординарным, выдающимся культурным явлением. Он вошел в историю культуры как педагог и воспитатель, поэт и писатель, драматург и проповедник. Симеон Полоцкий глубоко изучал философию, природоведение, интересовался вопросами медицины и искусства, астрологией и другими проблемами. В Россию «Симеон привез с собой плоды европейской учености – прекрасное знание языков: латинского, польского, белорусского и украинского, а также схоластических наук (грамматики, риторики, поэтики, диалектики и др.)...» [2, с. 15]. Таким образом, Симеон Полоцкий был европейски образованным человеком, обладавшим энциклопедическими знаниями.

Подлинное имя Симеона Полоцкого в миру – Самуил Емельянович (Гаврилович) Петровский-Ситнянович (по более современным источникам – Гаврилович¹) Петровский-Ситнянович (по уточненным сведениям – Ситнянович), родился в городе Полоцке в 1629 году.

Он закончил Киево-Могилянскую коллегию, по окончании которой отправился для завершения образования в одну из наиболее известных в то время польских иезуитских коллегий – Виленскую. Затем юноша переезжает в Полоцк и в 1656 году принимает монашество в Полоцком Богоявленском монастыре

¹ Отчество поэта точно установлено М.Ю. Гордеевым. (См.: Гордеев Ю.М. Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя // Славяноведение. – 1999. – № 2. – С. 37 – 47). Опираясь на обнаруженные достоверные архивные источники, известная российская исследовательница Лидия Сазонова утверждает следующее: «В актовой книге Полоцкого магистрата за 1656 – 1657 гг. найден новый архивный документ – завещание матери Симеона Полоцкого Татьяны Шермет («Тестамент Татьяны Яковлевны Шерметовое...») от 8 июля 1657 г. ...Открытие позволило установить круг многочисленных родственников Симеона Полоцкого, и прежде всего документально подтвердить его отчество – **Гаврилович**: отца поэта звали Габриэль (Гавриил) Ситнянович-Петровский (См.: «Вертоград многоцветный» / Подготовка текста, статья и комментарий Антони Хипписли и Лидии Сазоновой: В 3-х т. – Böhlau, Verlag, Köln, Weimar, Wien, 1996. Т. 3. – e.liv).

под именем Симеона. Полоцким же его прозвали позже в Москве, таким образом подчеркивая его место рождения и происхождение.

В 1660 году Симеон Полоцкий приехал на несколько месяцев в Москву вместе с учениками Полоцкой братской школы, учителем (дидаскалом) которой он был. В Полоцке он начал свою педагогическую и воспитательную деятельность. Усилиями Симеона Полоцкого в Полоцкой братской школе была значительно расширена программа обучения: в дополнение к белорусскому языку включались для изучения русский и польский, большее внимание уделялось грамматике, осваивались риторика и поэзия. В 1661 году Симеон Полоцкий навсегда переехал в Москву. Здесь он сразу получил признание и как поэт, и как воспитатель. В Москве он сразу получил место учителя латинского языка в школе Спасского монастыря. Успешная деятельность Симеона Полоцкого в качестве учителя и воспитателя вскоре стала известна царю Алексею Михайловичу, который в 1667 году пригласил его в наставники к своим детям. Среди воспитанников Симеона Полоцкого были царевичи Алексей и Федор, царевна Софья. Симеону Полоцкому было поручено подготовить учителя и для будущего царя Петра I [3, с. 264]. Симеон Полоцкий блестяще справился и с этой задачей, подготовив в наставники Петру Никиту Зотова.

В Москве Симеон Полоцкий прожил шестнадцать лет. Все эти годы главной для него была литературная деятельность. Много читая, он сумел собрать и оставить потомкам богатейшую для своего времени библиотеку. При этом все же основное время Симеон Полоцкий отдавал творческой поэтической и писательской работе. По свидетельству его ученика Сильвестра Медведева, он «на всякий же день име залог писати в полдесть по полу тетради, а писание его бе зело и уписисто» [4, с. 328].

Симеон Полоцкий все свои силы и талант отдавал делу просвещения и развития русской культуры. Так, в 1678 году ему удалось организовать превосходную типографию в Кремле, которая с разрешения царя Федора Алексеевича была отдана в полное распоряжение Симеона Полоцкого. В ней он успел напечатать свой «рифмованный» перевод «Псалтири царя Давида», получившей широкую популярность у русских читателей не только в XVII, но и в XVIII веке. По словам М.В. Ломоносова, «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого, наряду с «Арифметикой» выходца из Беларуси Леонтия Магницкого и «Грамматикой» Мелетия Смотрицкого², по которым ученый учился, была его «вратами учености».

Смерть помешала Симеону Полоцкому допечатать до конца уже подготовленный первый стихотворный сборник «Вертоград многоцветный». 25 августа 1680 года на 51 году жизни Симеон Полоцкий скончался.

В русскую литературу он вошел также как талантливый драматург и проповедник. Им созданы сборники проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная», стихотворная пьеса «Комедия притчи о блудном сыне» и трагедия «О Навуходносоре царе, о теле злате, о триех отроцех, в пещи не сожженных».

Творчеством Симеона Полоцкого завершился первый (книжный) период в истории белорусской и русской поэзии. Опираясь на опыт своих предшественников – белорусских поэтов, а также на польские и отчасти западноевропейские литературные традиции, он содействовал её дальнейшему развитию.

Симеон Полоцкий писал преимущественно на книжном, так называемом славяно-русском языке (церковно-славянском), в котором в белорусский период творчества поэта весьма заметны местные, белорусские языковые особенности. Подавляющее большинство его произведений не датировано. Из датированных наиболее ранние относятся к 1648 году.

Творческое наследие поэта богато и разнообразно. Немало произведений написано им на традиционные церковно-религиозные темы. В некоторых из них поэт затрагивает актуальные вопросы общественной жизни своего времени, проблемы воспитания, образования и многие другие важные темы.

Значительный вклад внес Симеон Полоцкий в развитие стихосложения на восточнославянских землях. Несмотря на жесткие нормы организации стиха в профессиональной силлабической поэзии (равносложность, наличие постоянной цезуры в стихе, рифмовки и женской рифмы), поэт во многом смог преодолеть однообразие и монотонность его звучания, придать ему большую динамичность и легкость, облечь в более совершенную форму.

Переехав в Москву, Симеон Полоцкий своей разнообразной культурно-просветительской и творческой деятельностью вписал яркую страницу в историю культуры белорусского и русского народов, явился в России основоположником поэзии и драматургии как новых видов литературы и всей своей деятельностью способствовал подготовке величайшего культурного и исторического поворота в русском обществе, который свершился уже позднее, в эпоху преобразований Петра I.

«Жизнь и творчество Симеона Полоцкого – пример благотворности культурных взаимосвязей восточнославянских народов XVII века» [5, с. 227].

² Мелетий Смотрицкий – украинец по происхождению. Весь прогрессивный период его жизни был связан с Беларусью.

Одним из самых выдающихся трудов Симеона Полоцкого является его стихотворный перевод Псалтири – «Псалтирь царя Давида, художеством рифмотворным равномерно слога и согласноконечно, по различным стихом родом преложенная». – Москва: Типография Верхняя, 1680.

Как указывает автор в предисловии к своей книге, мысль перевести стихами Псалтирь возникла у него одновременно с работой над «Вертоградом многоцветным». Работу над полным рифмотворным переводом «Псалтири царя Давида» Симеон Полоцкий выполнил в необычайно краткий срок. Начал он свой труд 4 февраля 1678 года и закончил его 28 марта того же года. В 1680 году перевод был издан в Москве отдельной книгой. Печаталась она в Верхней типографии и вышла в свет еще при жизни Симеона Полоцкого.

Точная дата выхода «Рифмотворной псалтири» долгое время определялась исследователями творчества Симеона Полоцкого – 3 апреля 1680 года. Однако ведущий библиограф Российской государственной библиотеки (г. Москва) А.А. Круминг опровергает эту точку зрения, приведя следующие веские аргументы: « В литературе встречается неверное указание на точный день выхода «Псалтири»: по сообщениям И. Татарского, Н. Глокке и О. Державиной, «Псалтирь» будто бы вышла в свет 3 апреля... Это ошибка, вызванная небрежным прочтением выходного листа: на выходном листе указано, что «Псалтирь» вышла в свет в лето от сотворения мира, 7188 // От рождества Христова, // 1680: Индикта, 3: Месяца априллиа», т.е. в 3-й год индикта, а не в 3-й день апреля. Точный день выхода в «Псалтири» не обозначен; день можно было бы определить по документам Верхней типографии, но ее архив не сохранился или до сих пор не разыскан» [6, с. 63 – 64].

Помимо псалмов здесь были напечатаны в стихотворном переложении поэта еще и ветхозаветные «песни» и «молитвы», обычно присоединявшиеся к Псалтири, и «Месяцеслов» (календарный указатель праздников русской православной церкви. – Л.С.).

Книга предназначалась не для церковно-богослужебного употребления, а, по словам автора, для «домашней потребы» интеллигентного читателя – знатока и ценителя «рифмованной речи».

Внешнее оформление Псалтири Симеона Полоцкого вполне соответствует этому ее назначению. «Издания Верхней типографии отличались... изяществом и художественностью оформления. Они были отпечатаны новым красивым шрифтом и по желанию царя Федора Алексеевича украшены гравюрами, исполненными на меди Афанасием Трухменским по рисункам Симона Ушакова, и заставками барочного типа... Текст на страницах книги обрамлен наборной орнаментальной рамкой, в книге по традиции использована двуцветная печать.

В начале книги дан фронтиспис с изображением автора псалмов царя Давида. Давид представлен в позе вдохновенного псалмопевца. Его лицо и руки обращены к облаку, из которого исходит сноп лучей, как бы свидетельствующий, что псалмы услышаны богом» [7, с. 120].

В одном из предисловий к книге прозаическом предисловии Симеон Полоцкий сам рассказал историю появления в свет этого сборника его стихотворений. Когда он, заканчивая «Вертоград многоцветный» и расположив стихотворения в алфавитном порядке, дошел до буквы «пси» – Ψ, ψ (с этой буквы начинались слова «псалтирь», «псалом»), у него возникла мысль переложить стихами некоторые псалмы. Симеон Полоцкий начал перевод и скоро так увлекся этим занятием, что решил переложить не только «покаянные» псалмы, как задумал ранее, но и всю Псалтирь в целом: «Возлюбих и на всех псалмов труд пуститися». В этом намерении его укрепляло то, что на древнееврейском языке псалмы были написаны стихами. Кроме того, Симеон Полоцкий за границей видел переводы Псалтири стихами на древнегреческом и латинском языках. Широкую популярность получил стихотворный перевод ее на польский язык выдающегося писателя польского Ренессанса Яна Кохановского (издан в пяти томах: «Psalterz Dawidow», 1580 г.).

Симеон Полоцкий знал, что в России был известен этот перевод. В Москве, как писал автор, «возлюбиша сладкое и согласное пение полския Псалтири стиховно преложенная, обыкоша тая псалмы пети, речей убо или мало, или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяшеся духовне» (псалмы Яна Кохановского пелись в музыкальном оформлении Николая Гомулки сначала в Польше и Литве (Беларуси. – Л.С.), а в XVII веке и в Московской Руси) [8, с. 52].

В том же предисловии Симеон Полоцкий указывает три причины, которые поддерживали принятое им решение: 1) свидетельство ряда авторов, восточных и западных, о том, что древнееврейский оригинал Псалтири был вначале составлен не в прозе, а «художеством стихотворения»; 2) желание создать Псалтирь, переложенную стихами, «и на нашем языке славенстем», так как он не раз видел, даже в самой Москве стихотворные переложения псалмов на языки греческий и латинский, печатные экземпляры стихотворного перевода Псалтири и на язык польский; 3) наконец, оказать сильное действие тем, которые «... полюбили сладкое и согласное пение» польской стихотворной Псалтири и привыкли петь эти польские псалмы.

Дать в руки читателя текст Псалтири понятный, приспособленный и для чтения, услаждающего слух, и для пения в домашней обстановке на тот или иной «глас» – такова задача, которую поставил себе Симеон Полоцкий. Задача была нелегкая. Псалтирь принадлежала к числу тех книг «Священного писа-

ния», старый славянский прозаический текст которой многие знали в старину едва ли не наизусть: по Псалтири учились читать, по ней гадали, ее читали в церкви и дома, ее цитировали устно и письменно. Псалтирь была «самою популярною книгой, не исключая даже Евангелия...» [9, с. 7].

Новый перевод Псалтири, да еще в «рифмех», по мнению И.П. Еремина, «мог вызвать и действительно вызвал – Симеон Полоцкий очень скоро в этом убедился – ряд возражений, тем более серьезных, что в данном случае они могли исходить и от врагов и от друзей. И тех и других могла встревожить смелость замысла Симеона Полоцкого» [10, с. 225]. Не удивительно, что автор, дав подробное обоснование самого своего замысла, счел необходимым не менее обстоятельно, в том же предисловии, изложить и те принципы, которыми он руководствовался, перелагая Псалтирь стихами.

Симеон Полоцкий писал, что вся его работа направлялась стремлением возможно ближе держаться традиционного текста Псалтири. Однако в его переложении могут встретиться некоторые слова и даже целые стихи, отсутствующие в оригинале, а также пропуски некоторых выражений оригинала. Но читателю не следует смущаться этим обстоятельством: частичные дополнения и пропуски неизбежны, так как прозаическая речь не может быть дословно передана стихотворной.

И «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого действительно представляет собой почти дословный стихотворный перевод традиционного славянского текста Псалтири. В интерпретации этого текста Симеон также придерживался общепринятых норм его толкования. Только в одном направлении он позволил себе несколько нарушить тот свод правил, которого в предисловии к книге обещал строго придерживаться – «во украшении пиитическом».

Изучение «Рифмотворной псалтири» Симеона Полоцкого показывает, что в его переложении разного рода «пиитических» отступлений от оригинала все же значительно больше, чем это можно было предполагать, судя по предисловию: «одни из них – плод личной изобретательности Симеона, другие – результат внимательного изучения очень популярной в его время стихотворной псалтири знаменитого польского поэта XVI века Яна Кохановского» [10, с. 225].

Однако не этими «пиитическими» украшениями замечательна «Псалтирь» Симеона Полоцкого. В литературном отношении она прежде всего обращает на себя внимание многообразием своих стихотворных размеров. Симеон Полоцкий во всем блеске обнаружил здесь свое незаурядное поэтическое мастерство – он продемонстрировал едва ли не все употребительные в то время размеры профессионального силлабического стиха, начиная от краткого семисложного и кончая громоздким и пространственным четырнадцатисложным. Он показал здесь и многие образцы стихотворений, основанных на синтезе различных стиховых размеров.

Перевод Симеона Полоцкого был выполнен очень талантливо, на уровне современной ему литературной культуры. Это был большой и серьезный труд, к которому автор отнесся со всей свойственной ему ответственностью и добросовестностью.

Симеоном Полоцким было положено начало стихотворным переводам на русский язык самой популярной книги Ветхого завета. В этом, в частности, состоит его неувядаемая заслуга перед восточнославянской культурой.

Перелагая псалмы разными размерами, Симеон Полоцкий, как и его польский предшественник Ян Кохановский, рассчитывал на то, что их будут не только читать, но и петь: сами стихотворные размеры обеспечивали возможность их исполнения с различными напевами.

Возможность эта была вскоре реализована, когда выдающийся русский композитор XVII века, государев певчий дьяк Василий Титов создал музыку ко всей «Рифмотворной псалтири» Симеона Полоцкого.

Точная дата создания композитором музыки к поэтическим текстам Симеона Полоцкого неизвестна. Однако, как указывает Л. Пушкарев, авторство Василия Титова устанавливается «благодаря надписям-посвящениям в 1680 и 1687 годах царю Федору Алексеевичу и царевне Софье» [11, с. 269].

Обширная музыкальная композиция Василия Титова положила начало русской камерной музыке.

Василий Титов – талантливый композитор XVII века, мастер партесного концерта. Он усвоил прогрессивные белорусские, украинские и западноевропейские культурные традиции своего времени.

Василий Титов – автор очень большого числа партесных композиций. Исследователи его творчества насчитывают около 200 произведений³. Учитывая огромное количество партесных сочинений, оставшихся анонимными (а большинство из них и записаны как анонимы), можно считать эту цифру далеко не полной.

³ В. Протопопов указывает, что количественные сведения о сочинениях Василия Титова еще приблизительны, так как исследованы пока не все рукописи, в которых могут быть найдены творения этого композитора. Далее Владимир Васильевич уточняет: «Распространение произведений Титова в XVII – XVIII веках... проходило исключительно через рукописные копии. Нередко имя автора скрывалось за инициалами ТВТ (творения Василия Титова), а иногда и совсем не было указано. В последнем случае удается установить авторство Титова путем сличения с рукописями, где указано его имя...

В печати творения Титова, если не считать... «Многолетия», отдельных псалмов и сомнительного по принадлежности Титову шестиголосного «Предначинательного псалма», не появлялись» [14, с. 245].

Василий Титов «положил через композицию:

- Стихотворную Псалтирь Симеона Полоцкого (около 1680 г.);
- «Песнь святым» – изложенный стихами календарь на весь год Симеона Полоцкого» [12, с. 334 – 335].

Популярными были и другие его музыкальные композиции:

- шестиголосное «Большое многолетие»;
- службы Божие на 8, 16, 24 голоса;
- богородичны на 6 и 8 голосов;
- переводная служба на 12 голосов;
- 28 концертов на 12 голосов;
- Догматики на 8 голосов;
- концерты на 12 праздников (1709 г.)⁴.

Большинство из этих произведений Василия Титова до сих пор не реставрированы и ждут своего исследователя.

Точные даты жизни Василя Титова неизвестны. Однако отдельные рукописные сочинения указывают на время их создания. Так, «Стихотворная псалтирь» была поднесена царю Федору Алексеевичу в 1680 году, рукопись концертов Василия Титова на 12 праздников датирована 1709 годом. Это дает возможность Н. Финдейзену [12, с. 25 (Кн. примеч.)] установить с приблизительной точностью период творчества композитора (между 1675 – 1715 годами) и время его жизни (около 1650 – 1715 гг.). Несколько иную датировку предлагает М. Рыцарева [13, с. 18]. По ее мнению, Василий Титов предположительно жил с 1650 по 1710 год, а период его самой активной творческой деятельности приходился на 1690 – 1700-е годы.

По должности с 1682 года Василий Титов был государевым певчим дьяком. Уже тогда он выдвинулся как талантливый композитор. Благодаря же светской ориентации своего творчества, Василий Титов стал первым композитором при дворе Петра I. «Искоренявший всю церковную символику из государственных ритуалов и церемоний, Петр I поручил именно Титову написание престижного концерта на Полтавскую победу в 1709 году» [13, с. 19].

С.Б. Веселовский о Василии Титове сообщает следующие сведения: «Титов Василий-дьяк, 4 мая 1699 года пожалован из певчих в дьяки и назначен в Свяжск; с 1 ноября 1703 года по 20 июля 1704 – дьяк Приказа Казанского дворца» [15, с. 515].

Наиболее полные сведения о жизни и деятельности композитора приведены В. Протопоповым [14].

По мнению В. Протопопова, Василий Титов «...был связан с певческой культурой, но уже новой формации – партесного стиля, классикой которого он и стал» [16, с. 177].

Жизнь и деятельность Василия Титова пришлись на вторую половину XVII – начало XVIII вв. В этот период в культуре России произошли серьезные изменения, связанные с общим оживлением и активизацией всех форм жизни, духовным раскрепощением людей, приведшим в результате к взлету в Петровские и послепетровские времена. В этот процесс влилась и музыка.

«Обогащались прежние и возникали новые формы и жанры, развивалось многоголосие и связанное с ним искусство хорового исполнения. Традиционная церковная музыка подверглась сильному воздействию светских элементов, что отразилось и на ее музыкальном языке, и главное – на общем складе.

Полнота жизнеощущения, солнечный оптимизм – характерные черты музыки той эпохи. Создание музыкальных произведений требовало теперь не только разносторонней творческой и теоретической подготовки, но и обновление философского взгляда на мир. Индивидуальность художника получила для своего выявления многие возможности, и это привело к тому, что художественное произведение получило имя автора (подчеркнуто нами. – Л.С.). Хотя традиции анонимности еще долго сохранялись⁵.

⁴ Точные даты сочинения Василием Титовым хоровых произведений чаще всего неизвестны. Об этом В. Протопопов пишет так: «Если скудны наши сведения о жизни Василия Титова, то совсем неизвестно, как протекали формирование его таланта и творческая эволюция, неизвестны и точные даты сочинения им хоровых композиций...»

Косвенные данные о времени создания Титовым отдельных его творений можно почерпнуть из палеографического анализа рукописей, содержащих эти произведения. Так, некоторые рукописи по сорту бумаги и почерку относятся к 80 – 90-м годам XVII века, что дает основание для приблизительной датировки музыкальных произведений. К их числу принадлежат «Догматики» и «Богородичны воскресны» всех восьми гласов, концерты двенадцатым и многим другим праздникам, «Службы» (литургии) и разного рода иные циклические и одиночные хоры. В общей сложности они составляют внушительную цифру – около 100 произведений. Таким образом, можно считать несомненным, что к исходу XVII века Титов был уже самым крупным и плодовитым русским композитором» [14].

⁵ Отсюда столь скудные и противоречивые сведения о жизни и творчестве композиторов XVII века, и в частности, о Василии Титове.

В этих условиях складывается новая композиторская школа в России, выдвинувшая плеяду композиторов, особенно ярко заявивших о себе в последнее двадцатилетие XVII века» [14, с. 241].

В. Протопопов называет Василия Титова самым значительным из русских мастеров этого времени. При этом он ссылается на мнение одного из современников композитора, назвавших Василия Титова «всех премудростию своею превосходящим» [14, с. 242].

«В исторических материалах, известных к настоящему моменту, имя Василия Титова впервые встречается в 1678 г. ...⁶ Он был тогда в числе государевых певчих дьяков и входил в состав придворной хоровой капеллы царя Федора Алексеевича. Если предположить, что Титову в это время было лет 20 – 25, то дату рождения его нужно отнести к 50-м годам XVII столетия. Чего-либо более определенного по этому поводу сказать теперь невозможно за отсутствием материалов (прежде всего архивных. – Л.С.)» [14, с. 242].

Далее В. Протопопов приводит следующую дошедшую до наших дней информацию о композиторе.

После смерти царя Федора Алексеевича в 1682 году на царский престол были возведены братья Иван и Петр Алексеевичи, каждый из которых получил свой хор, сложившийся в результате разделения певчих дьяков на два. С этого времени Василий Титов находился в составе певчих дьяков царя Ивана. В 1682 году в списках на государево жалование он значился последним (пятым) во второй станице, а по общему порядку списка – двенадцатым. Однако уже в 1686 году Василий Титов стал первым в первой станице. Имя же его названо по порядку уже третьим, после двух уставщиков, т.е. руководителей хора.

По этому поводу весьма редкие и интересные данные приводит Н.П. Парфентьев: «Титов Василий (Шетерников?), гос. п. д. (Государев певчий дьяк. – Л.С.). Упоминается в штатной росписи 1677/78 гг. «в приказ» среди других ему пожалована дорога в 3 руб.; 30 октября – кафтан; 30 ноября – однорядка и емурлук; 23 декабря – сафьян и сапоги; 22 января 1679 г. – получил «недопесковый» кафтан, в мае и апреле – сукна на однорядку и кафтан; с сентября в 4-й станице с окладом сукна в 3 руб., пел на «правом крылосе» дворцовой церкви Евдокии, тогда же получил «против» 1677/78 – 1678/79 гг. на бархатную шапку 2 руб., на сапоги 1 руб.; в 1681/82 – 1684/85 гг. во 2-й станице с окладами: денежным 25 руб., сукном в 3 руб. (с февраля 1684 г. – в 5 руб.); 21 марта 1682 г. указано в числе дьяков хора придворных соборов Воскресенья и Иоанна Предтечи сделать ему на Казенном дворе кафтан; по штатной росписи певчих от февраля 1683 г. пел в Воскресенском соборе, в хоре царя Ивана Алексеевича; в 1685/86 – 1688/89 гг. в 1-й станице с окладами денежными 28,4 руб., сукном в 5 руб., 7 января 1686 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь вкладом им дан «по родителям мерин немецкой большой», за что в монастырский Синодик были вписаны имена представителей его рода: иерея Тита (отца –?), Аггея и др., 11 августа 1687 г. указано вместо сукна на 3 года выдать ему 15 арш. кармазина в 19 руб., «а иным ево братьи не в образец»; в том же году преподнес царевне Софье экземпляр положенной на ноты рифмованной Псалтири Симеона Полоцкого; в 1689/90 – 1697/98 гг. в штате хора Ивана с окладом денежным 30 руб., сукном в 5 руб.; по указу от 7 апреля 1690 г. в честь рождения царевича Алексея Петровича пожалован сукном, получил позже, так как «был болен», в 1698/99 гг. записан в штат хора царя Ивана с окладами: денежным 30 руб., кормовым 50 руб., сукном в 5 руб., хлебным по 18 четей ржи и овса...» [17, с. 393 – 394].

«Такое возвышение, вероятно, связано с возрастанием певческого мастерства Титова, но не исключено, что оно было вызвано и его композиторскими успехами. Как известно, за два года до смерти царя Федора ему была поднесена псалтырь, переложенная виршами Симеоном Полоцким. Считается, что тогда же Василием Титовым она была положена на ноты» [14, с. 242].

В 1687 году композитор преподнес один экземпляр своей псалтири правительнице Софье с особым специальным посвящением (рукопись РАН, ОР, 16.15.11 (ПА 66)). В историографии в связи с этим фактом существует предположение, что царь Петр отстранил Титова в 1689 году от работы в придворном хоре после низложения царевны Софьи⁷. «Однако это неверно, – пишет В. Протопопов в своей работе, – Титов продолжал службу певчим дьяком у царя Ивана вплоть до его кончины (1696) и находился в числе самых почетных и уважаемых певцов, хотя уже и не был первым в первой станице. По списку 1694 – 1695 года имени Титова предшествуют, кроме уставщика, имена пяти певцов, выделенных, вероятно, совершенством своего певческого искусства» [14, с. 243].

После смерти царя Ивана весь его хор певчих дьяков еще два года находился на царском жаловании. И композитор Василий Титов вместе с остальными 17 певцами состоял в этом хоре, нес службу и получал жалованье.

⁶ См.: Разумовский Д.В. Государевы певчие дьяки XVII века. Отдельный оттиск, б. г.; Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века: В 2-х т. – М.-Л.: Госиздат; Музсектор, 1926 – Т. 1. – С. 334.

⁷ См. Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. – М.-Л., 1928. – Т. 1. Примечания. – С. XXVI.

Впоследствии, в 1698 году, хор царя Ивана был расформирован и певцов перевели в малые придворные хоры (так называемые «крестовые дьяки») и на другую службу. «Василий Титов был определен дьяком, позднее – инспектором в московскую ратушу, заведовал певческой школой» [14, с. 243]. В одном из рукописных музыкальных учебников конца XVII – начала XVIII века Василий Титов назван «верховным дьяком Спаса в Нове»⁸. Другое подтверждение о службе Василия Титова в этой должности мы находим у Н.П. Парфентьева. Исследователь пишет: «... с сентября 1699 г. указано умершего царя Ивана «певчих всех оставить», в дальнейшем на «государевой службе» – дьяк дворцовой церкви Спаса «на Нове», затем Московской ратуши...» [17, с. 394].

Год кончины композитора, как уже было сказано выше, неизвестен. Однако В.В. Протопопов пытается уточнить дату смерти Василия Титова следующими рассуждениями: «Судя по тому, что Титов сочинил хоровой концерт в честь Полтавской победы (1709), он был еще жив в это время. Н.Ф. Финдейзен дату кончины Титова предположительно относит к 1715 году. Таким образом, можно считать, что он прожил лет 60 – 65, из них лет 30 – 35 отданы им были композиторскому творчеству» [14, с. 244].

Творчество композитора выросло на почве существовавшей повсеместно в России, а в особенности в Москве, практики партесного стиля. И хотя неизвестно где, как и чему учился Василий Титов, можно предположить, что обучение его протекало не только на основе традиций русского партесного пения, но и в тесном контакте с образованными музыкантами и композиторами своего времени. Не вызывает сомнений факт тесного общения Василия Титова с Николаем Дилецким, жившим в Москве в конце 70-х годов XVII века. Предположительно, композитор знал и его главный теоретический труд – «Музыкальную грамматику». В. Протопопов утверждает, что «... в некоторых рукописных сборниках, по палеографическим данным, относящимся к концу XVII века, произведения Титова записаны рядом с сочинениями этих авторов – Николая Дилецкого и Симеона Пекалицкого. Следовательно, творения Титова по популярности уже не уступали сочинениям названных и иных композиторов – украинцев и русских» [14, с. 250 – 251].

И далее Владимир Васильевич делает вывод о значимости и силе воздействия на слушателя сочинений Василия Титова: «Творения Василия Титова – вершина партесной композиции последней четверти XVII – начала XVIII века. В них мы найдем все характерные особенности, одухотворенные талантом этого мастера. Сила его искусства сказывается в простоте бытовизмов ранних псалмопений и праздничности звучаний больших гимнических концертов, в глубокой проникновенности звучаний мыслей о человеческих страданиях и суровом аскетизме обиходных сочинений. Искренность музыки Титова возвышает и увлекает» [14, с. 251].

Среди огромного количества музыкальных композиций Василия Титова особое место занимает его музыка к «Псалтири царя Давида» Симеона Полоцкого.

«Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого, положенная на музыку Василием Титовым, рассчитана была на грамотных любителей музыки. Она стала началом светской вокальной музыки в России, так как была предназначена для исполнения «в миру», в домашнем музицировании. Для церкви же она явилась мощным вторжением светского начала.

Среди массы псалм религиозного или полурелигиозного содержания в Псалтири имеются отдельные псалмы «чисто светского характера: № 7 – плачевная песнь; № 44 – песнь любви; № 45 – эпиграмма в честь бракосочетания; № 137 – элегия изгнанников на реках Вавилонских; №№ 12, 43 – элегия изгнанника, тоскующего по родине» [18, с. 23].

В массе псалм религиозного и полурелигиозного содержания также заметно разнообразие оттенков религиозного чувства и настроения – от покаянных молитв до хвалебных гимнов в честь Бога.

Весьма многообразен и жанровый состав сборника Симеона Полоцкого и Василия Титова. Здесь встречаются псалмы-плачи и псалмы-элегии, жанровые псалмы танцевального характера и хвалебные, задравные песни, молитвенные песнопения и псалмы бодрого маршевого характера, покаянные псалмы и псалмы апокалиптического характера; о втором пришествии Христа и Божьем суде, псалмы философско-нравственного и морализующего характера.

Так, псалмы №№ 90, 102, 142 – молитвы, псалма № 53 – песнь религиозного содержания, пятнадцать псалм подряд (с № 120 по № 134) – представляют собой песнь во время паломничества, псалма № 45 – свадебный гимн в честь царя, псалмы №№ 146 – 150 и некоторые другие – хвалебные песни и так далее.

Заключение

«Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и Василия Титова отличается большим разнообразием жанров и сюжетов псалм. В его содержании заложены высокие морально-нравственные, воспита-

⁸ «Спас в Нове» (иначе – «Спас Новая церковь») – один из храмов в Кремлевском дворце» (отсюда название – «верховный дьяк»), – так указывает в своем труде В. Протопопов [14, с. 243 – 244].

тельные и эстетические функции, глубоко гуманистические идеи. Псалмы учат людей мудрости, добру и справедливости. В этом – высокая художественная ценность и непреходящее значение «Рифмотворной псалтири», созданной выдающимися деятелями славянской культуры второй половины XVII века поэтом Симеоном Полоцким и композитором Василием Титовым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова-Персидская Н.А. Русская музыка XVII века. Встреча двух эпох. – М.: Музыка, 1994. – 125 с.
2. Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко. – М.: Наука, 1991. – 264 с.
3. Орлов В.А. Тайны полоцкой истории. – Мн.: Беларусь, 1995 – 477 с.
4. Водовозов Н.В. История древней русской литературы. – М.: Учпедгиз, 1962. – 372 с.
5. История белорусской дооктябрьской литературы. – Мн.: Наука и техника, 1977. – 639 с.
6. Круминг А.А. «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1680) в перепечатках Андрея Решетникова (1809 и 1811 годов) // Славяноведение. – № 1. – 2001. – С. 63 – 69.
7. Державина О.А. Симеон Полоцкий в работе над «Псалтырью рифмотворной» // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – Мн.: Наука, 1982. – 352 с.
8. Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы // Статьи и исследования. – М.: Наука, 1975. – С. 52 – 53.
9. Сперанский М.М. Из истории отречённых книг. – СПб., 1899. – 278 с.
10. Ерёмин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий избранные сочинения / Подготовка текста, статья и комментарии И.П. Ерёмина. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1953. – С. 225.
11. Пушкарёв Л.В. Симеон Полоцкий // Русские писатели. – М.: Просвещение, 1971. – С. 197 – 335.
12. Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времён до конца XVIII века: В 2-х т. – М.-Л.: Госиздат; Музсектор, 1928. – Т. 1. – 364 с.
13. Рыцарева М.Г. Русская музыка XVIII века. – М.: Знание, 1987. – 125 с.
14. Протопопов В.В. Творения Василия Титова – выдающегося русского композитора второй половины XVII – начала XVIII в.: Избранные исследования и статьи. – М.: Советский композитор, 1983. – 304 с.
15. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. – М.: Наука, 1975. – 607 с.
16. Протопопов В.В. О русских музыкантах по записям в синодиках XVI – XVII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. – Л.: Наука, 1986. – С. 176 – 177.
17. Парфентьев Н.П. Профессиональные музыканты Российского государства XVI – XVII веков: Государевы певчие дьяки и патриаршие певчие дьяки и подьяки. – Челябинск, 1991. – 444 с.
18. Никольский Н.М. Следы магической литературы в книге псалмов. – Мн.: Белтрестпечать, 1923. – 40 с.